

(9) *Итак, переходим к лету 1905 года; мать с тремя детьми в петербургском имени; политические дела задерживают отца в столице (Набоков).*

ЛИТЕРАТУРА

1. *Апресян Ю.Д.* Типы информации для поверхностно-семантического компонента модели "смысл—текст" // *Wiener slawistischer Almanach*. Wien, 1980. Sbd. 1.
2. *Апресян Ю.Д.* Дейксис в лексике и грамматике и наивная модель мира // *Семиотика и информатика*. М.: 1986. Вып. 28.
3. *Булыгина Т.В., Шмелев А.Д.* Ментальные предикаты в аспекте аспектологии // *Логический анализ языка: Проблемы интенциональных и прагматических контекстов*. М.: Наука, 1989.
4. *Виноградов В.В.* Русский язык: Грамматическое учение о слове. М.; Л.: Учпедгиз, 1947.
5. *Гловинская М.Я.* Семантические типы видовых противопоставлений русского глагола. М.: Наука, 1982.
6. *Гловинская М.Я.* Семантика, прагматика и стилистика видо-временных форм // *Грамматические исследования: Функционально-стилистический аспект*. М.: Наука, 1989.
7. *Зализняк Анна А.* О типах взаимодействия семантических признаков // *Экспериментальные методы в психолингвистике*. М., 1987.
8. *Исаченко А.В.* Грамматический строй русского языка в сопоставлении с словацким: Морфология. Ч. II. Братислава, 1960.
9. *Маслов Ю.С.* Вид и лексическое значение глагола в русском языке // *Изв. АН СССР. Сер. лит. и яз.* 1948. Т. 7, N 4.
10. *Падучева Е.В.* Семантика вида и точка отсчета // *Изв. АН СССР. Сер. лит. и яз.* 1986. Т. 44, № 5.
11. *Падучева Е.В.* К сочетаемости обстоятельства времени с видом и временем глагола: точка отсчета // *НТИ*. Сер. 2. 1992. N 3.
12. *Томмола Х.* Аспектуальность в финском и русском языках // *Neuvostoliittöinstituutin vuosikirja*. Helsinki, 1986. N 28.
13. *Wierzbicka A.* On the semantics of verbal aspect in Polish // *To honor R. Jakobson*. The Hague; Paris, 1967.
14. *Wierzbicka A.* ... *Lingua mentalis*. Sydney, etc., 1980.
15. *Wierzbicka A.* *The semantics of grammar*. Amsterdam, 1988.

В.А. Плунгян, Е.В. Рахилина

"БЕЗУМИЕ" КАК ЛЕКСИКОГРАФИЧЕСКАЯ ПРОБЛЕМА (К АНАЛИЗУ ПРИЛАГАТЕЛЬНЫХ БЕЗУМНЫЙ И СУМАСШЕДШИЙ)

Прилагательные *безумный* и *сумасшедший* на первый взгляд представляются почти полными синонимами. Тем не менее мы говорим *безумное отчаяние*, но не **сумасшедшее отчаяние*, а *безумная красавица* (≈ 'поразительной красоты') — это далеко не то же самое, что *сумасшедшая красавица* (= 'красавица, сошедшая с ума'). Эти и многие другие примеры заставляют предположить, что концепты безумия и сумасшествия существенным образом различаются в сознании носителей русского языка, воплощая разные типы отклонения от нормального состояния и олицетворяя, если можно так выразиться, два различных образа потерявшего разум человека.

Ниже мы попытаемся охарактеризовать оба этих концепта, продемонстрировав различия в языковом поведении прилагательных на целом ряде примеров.

1. Образы безумия и сумасшествия. Сама возможность различного языкового поведения двух прилагательных связана с тем, что помимо очевидного общего компонента в их значении (\approx 'утративший способность нормально мыслить', ср. [2, 286]) они содержат некоторые непересекающиеся семантические фрагменты, которые проще всего определить как различные следствия утраты разума, точнее, те особенности, которые говорящие в каждом случае связывают с этой утратой.

В случае с прилагательным *безумный* имеется в виду такая утрата разума, вследствие которой субъект оказывается недоступен "обычному", рациональному восприятию: он выходит за рамки нормального, как бы "перерастает" их¹. Безумие — неуправляемая, неконтролируемая стихия; оно уводит человека из нормального мира и в некотором смысле возвышает над ним (характерно представление о *высоком, священном, поэтическом безумии*; в подобных контекстах недопустимо или странно *сумасшествие*).

В случае с прилагательным *сумасшедший* имеется в виду такая утрата разума, для которой характерны скорее определенные внешние проявления, и прежде всего отсутствие способности разумно управлять своим телом. Для образа сумасшествия, кроме того, существенна идея повышенной активности; таким образом, общее представление, стоящее за этим словом, — отнюдь не пугающая иррациональная бездна, а шумная и бестолковая сцена (настоящий *сумасшедший дом*), где доминируют бесцельные и беспорядочные движения в быстром темпе.

Посмотрим теперь, как противопоставление "иррационального" *безумный* и "бытового" *сумасшедший* проявляется в сочетаемости с существительными разных классов (не только и не столько с названиями людей).

1.1. Названия ситуаций. Оба прилагательных сочетаются с названиями ситуаций (и прежде всего с таким их характерным подклассом, как названия мероприятий — частично контролируемых ситуаций со многими участниками, см. подробнее [4]). Ср.: *безумный/сумасшедший симпозиум, безумная/сумасшедшая погоня, безумные/сумасшедшие сборы* и т.д. Различие, которое проявляется в интерпретации этих сочетаний в первом и во втором случае, хорошо согласуется с семантическими особенностями прилагательных: *безумное* мероприятие прежде всего непостижимо по своему замыслу и иррационально по своим внутренним особенностям (иными словами, непонятно, почему оно возникло, зачем оно происходит и как будет развиваться).

¹С точки зрения внутренней формы здесь интересно сравнить *безумный* с таким прилагательным, как, например, *безмерный* (\approx 'недоступный измерению, превосходящий меру'); в обоих случаях префикс *без-* порождает дополнительный семантический элемент 'выход за рамки X-а, разрушающий X'; ср. еще отчасти сходное *заумный*, где, однако, второй компонент ('разрушение') отсутствует.

С другой стороны, *сумасшедшее* мероприятие — это мероприятие, у которого ненормальны прежде всего внешние особенности протекания и которое обязательно характеризуется неразберихой и слишком быстрым темпом. *Безумный симпозиум* ставит его участников в тупик замыслом и содержанием докладов; *сумасшедший симпозиум* — постоянной спешкой, внезапной сменой докладчиков, бесконечными перемещениями из зала в зал и полным несоответствием заранее объявленной программе.

Интересно, что аналогичный семантический эффект наблюдается и у существительных, обозначающих отрезки времени, ср.: *безумный/сумасшедший год*, *безумная/сумасшедшая неделя* и др. Это, очевидно, связано с тем, что слова типа *неделя* обозначают не только сам отрезок времени как таковой, но и совокупность тех событий, которые в данном отрезке содержатся². Обратим внимание также на сходное поведение (особенно в контексте *безумный*) существительных, имеющих валентность содержания (как предметных, так и непредметных); ср. *безумная надежда*, *безумное письмо* (в сущности, в этих случаях валентность содержания и заполняется обозначением некоторой ситуации; прилагательное *сумасшедший* и в этом случае демонстрирует свою приверженность внешней стороне явления, например текста — ср. *сумасшедшее письмо*).

1.2. Названия ситуаций — контексты интенсификации. Другой важной для нас разновидностью названий ситуаций являются названия состояний. Прилагательное *безумный* хорошо сочетается с названиями состояний, но интерпретируется иным, чем в предыдущем случае, образом, а именно: оно приобретает значение *высокой степени* (то, что в модели "Смысл → Текст" называется лексической функцией *Magп*); ср.: *безумный страх/голод*, *безумное горе/удивление*, *безумная тоска/тревога/радость/любовь*. Правда, нельзя не заметить, что *безумный* выражает в этом случае несколько особый вид *Magп*'а: *безумное горе* — не совсем то же самое, что *сильное* или *необычайное горе*. Во всех этих случаях речь идет о такой высокой степени проявления состояния, которая рассматривается как вышедшая за рамки нормальной ситуации и находящаяся "за гранью разумного"; таким образом, известный нам в семантике прилагательного *безумный* компонент "иррационального выхода за пределы" закономерным образом проявляется и здесь.

² В свете сказанного, может быть, было бы полезно по-новому взглянуть на традиционный перевод названия комедии Бомарше "Безумный день, или женитьба Фигаро" (по-французски — "La journée folle..."): перевод *сумасшедший* представляется (в контексте всей пьесы) несколько более адекватным. (На этот факт наше внимание обратили В.Г. Гак и Т.В. Булыгина.) Французское *fou/folle* выражает весь спектр значений, распределенных между двумя русскими прилагательными (ср. *la passion folle* 'безумная [= очень сильная] страсть' наряду с *la joie folle* 'сумасшедшее [= бурное] веселье'. Вместе с тем следует отметить, что в семантике этого французского прилагательного скорее доминирует идея неконтролируемого взрыва энергии, спонтанного развития (ср. такие сочетания, как *des herbes folles* 'бурьян, дикорастущие травы' и под.); отсюда его возможные в ряде контекстов эквиваленты *бешеный*, *буйный*, *необузданный* и т.п. Последнее несколько больше сближает это прилагательное с русским *сумасшедший* (ср. также сноску 3).

Что касается прилагательного *сумасшедший*, то оно в сочетании с названиями состояний ведет себя в принципе так же, как и в предыдущем случае; однако, чтобы такие сочетания были возможны, состояния должны обладать целью рядом дополнительных признаков, в частности они должны быть качественно неоднородны и иметь наблюдаемые внешние проявления — в этом случае комплекс "беспорядочно-быстрого" хорошо проявляет себя, ср. *сумасшедшее веселье/ ликование* и т.п., но не *'сумасшедшее горе/ удивление*.

1.3. Другие контексты интенсификации. Засвидетельствованное выше для прилагательного *безумный* значение высокой степени интересным образом реализуется при этом прилагательном еще в двух случаях: в сочетании с параметрическими существительными и в сочетании с названиями природных явлений.

Механизм взаимодействия прилагательного *безумный* с параметрическими существительными достаточно прост, так как во всех случаях *безумный* воздействует на содержащийся в семантическом представлении таких существительных признаков в качестве интенсификатора (с той смысловой спецификой, о которой шла речь выше). Границы этого класса существительных обширны: прежде всего это "чистые" названия параметров (ср. *безумные размеры, безумная глубина* и т.п.), а также оценочные существительные. В последнем случае *безумный* воздействует именно на оценочный компонент, ср. *безумный педант, безумное занудство*; к этому же классу употреблений относится, как легко заметить, и сочетание *безумная красавица*, упоминавшееся в начале статьи, *сумасшедший* же в *сумасшедшая красавица* взаимодействует не с оценочным компонентом, а семой 'лицо', т.е. не обнаруживает никаких дополнительных семантических особенностей.

Последний пример вообще типичен для поведения прилагательного *сумасшедший*: там, где оно сочетается с параметрическими и подобными им именами, оно интерпретируется в строгом соответствии с уже описанным семантическим типом, не обнаруживая тенденции к семантической вариативности. Так, интересно в этом плане сопоставить сочетания *безумные цены* и *сумасшедшие цены* (они встречаются в современных текстах с приблизительно одинаковой частотностью). Эти сочетания не полностью синонимичны (хотя оба описывают "слишком высокие", по мнению говорящего, цены), так как отличаются тем представлением о ценах, которое имеет в виду говорящий, своего рода субъективным образом цен: в первом случае подчеркивается только их иррациональная величина, тогда как во втором случае — еще и непредсказуемая динамика (*сумасшедшие цены* — не только и не столько очень большие, это прежде всего "скачущие", "галопирующие" цены)³.

³ Здесь интересно еще раз обратиться к данным французского языка, где в определенных контекстах (например, в торговой рекламе) сочетание *les prix fous* (т.е. букв. 'сумасшедшие цены') может пониматься противоположным образом: ≈ 'невероятно низкие цены' (подразумевается 'только сумасшедший мог такие назначить'). Можно заметить, что русскому языковому сознанию свойственна в этом случае большая персонализация цен: сумасшедшее поведение приписывается ценам "самим по себе", а не тому, кто их назначает, как во французском языке.

Интенсификация наблюдается и при сочетании *безумный* с названиями природных явлений, точнее, тех из них, которые способны проявляться с различной интенсивностью. Многие из этих существительных допускают и сочетания с *сумасшедший*, а именно те, которые описывают явления, предполагающие перемещение (или по крайней мере быстрые изменения), т.е. имеющие ту или иную динамику. Соответственно *сумасшедший* воздействует именно на этот компонент, также интенсифицируя его. Таким образом, природные процессы, имеющие динамику (и, естественно, уже хотя бы в силу этого градуируемые), сочетаются с обоими прилагательными, ср.: *безумный/сумасшедший ливень/ветер/снег; безумные/сумасшедшие волны* и т.п. (но интенсифицируются разные компоненты!). С другой стороны, градуируемые природные явления, не имеющие динамики, сочетаются только с *безумный*, ср. *безумный (*сумасшедший) туман/штиль* и др. Наконец, следует ожидать, что природные явления, лишенные как способности к градуированию, так и динамики, не будут сочетаться ни с одним из прилагательных. Это действительно так: ср., например, **безумная/*сумасшедшая роса*.

1.4. Названия людей. Названия людей — тот класс существительных, с которыми оба прилагательных сочетаются прежде всего в своем основном, так сказать, "медицинском", значении; именно в этой точке они оказываются максимально близки, различаясь только некоторым периферийным "семантическим ореолом" (ср.: *Кудесник, ты лживый, безумный старик; И какой сумасшедший Суриков мой последний напишет путь?*). Нас, однако, в первую очередь интересуют не эти употребления, а производные от них, которые и в этом классе имен вполне возможны.

По отношению к названиям людей производные употребления *безумный* и *сумасшедший* находятся почти что в дополнительном распределении: *безумный* сочетается с оценочными существительными (проявляя себя как интенсификатор — об этом уже шла речь выше, в разделе 1.3), а *сумасшедший* — с функциональными существительными, также проявляя себя как интенсификатор. Ср.: *безумный невежда/лентяй, безумная дура vs. сумасшедшие родители* (≅слишком рьяные), *сумасшедший водитель/редактор/архитектор*.

Казалось бы, появление интенсифицирующей семантики у *сумасшедший* противоречит тому, что было сказано раньше об этом слове, — здесь *сумасшедший* как бы вторгается в сферу, прочно закрепленную за *безумный*. Однако в действительности никакого противоречия нет: интенсификация функциональных слов (и только их!) хорошо согласуется с тем представлением о гипертрофированной активности, которое составляет основу образа сумасшествия в русском языке. Заметим, что чем слабее функциональный компонент в значении слова, тем менее естественно оно сочетается с *сумасшедший*; так, хорошо интерпретируемому *сумасшедшие родители* противопоставляется, например, сомнительное *'сумасшедший племянник* (последнее приемлемо только в "медицинском" понимании): хотя оба существительных обозначают родственные отношения, но "роль" племянника в современной русской культуре гораздо менее определена, чем "роль"

родителей, поэтому понятно, как оказаться "чересчур родителем", но неясно, что значит быть "чересчур племянником".

1.5. Названия животных и механизмов. Мы завершаем наш обзор языковых свидетельств образов безумия и сумасшествия одной периферийной, но очень любопытной группой существительных — названиями животных и механизмов. Особенностью этой группы слов является прежде всего то, что они не сочетаются с прилагательным *безумный*: не существует ни безумных коров и лошадей, ни безумных станков и компьютеров, ни даже безумных роботов⁴. С другой стороны, прилагательное *сумасшедший* хорошо сочетается с названиями механизмов, особенно сложных (*сумасшедший станок/компьютер/робот* вполне допустимы), и названиями "привычных" (в частности, домашних) животных: ср. *сумасшедшая корова/болонка*, но сомнительные *'сумасшедший тигр/тапир/броненосец*.

Можно полагать, что эти факты имеют одно общее объяснение. Особенности языкового поведения *безумный* и *сумасшедший* связаны в данном случае с противопоставлением "высокого" безумия "бытовому" сумасшествию: это различие отчетливо прослеживается в русском языке во многих контекстах. Безумие уводит того, кто им поражен, из нормального, разумного мира, но взамен как бы возвышает над этим миром: безумие опасно и таинственно. Это неконтролируемая, неподвластная человеку сила, но она не вполне слепая: безумия может удостоиться не каждый, это удел избранных, особого рода печать. Разумеется, не может быть и речи о том, чтобы безумие касалось "младших братьев" человека и тем более неодушевленной техники. С другой стороны, сумасшествие, с его несколько комическим ореолом и акцентом на внешних проявлениях, имеет отчетливый снижающий эффект: сумасшедшим может быть лишь нечто близкое, доступное, хорошо знакомое. Не случайно именно *сумасшедший* и производные от него могут использоваться в неформальном диалоге в качестве упрека или ругательства (*Ты с ума сошел!*; ср. также типичное в этой функции *псих*), а также как свидетельство крайнего удивления говорящего (*С ума сойти!*). Наконец, фантастические и не вызывающие доверия сведения можно объявить *бредом сумасшедшего*, тогда как *бред безумного* скорее страшен, чем нелеп.

2. Лексикографический аспект проблемы. Итак, мы рассмотрели две лексемы, которые, описывая одно и то же состояние, различаются в первую очередь тем, какие представления говорящих оказываются связанными с данным состоянием, иными словами, как эти состояния концептуализуются в языке.

Вообще говоря, существование такого рода явлений достаточно хорошо известно: в разных лексикографических теориях предлагается обращать внимание на то, что слова могут различаться не только тем, что они обозначают разные сущности внешнего мира, но и тем, что обозначают одну и ту же сущность, но по-разному воспринима-

⁴ "Безумный волк" Н. Заболоцкого — очевидная языковая игра, где эффект персонификации основан как раз на данной закономерности.

емую людьми. Помимо термина *концепт*, который представляется нам удобным для описания этого феномена (хотя он употреблялся и в других значениях), отметим используемую в лексикографии А. Вежбицкой помету *relation to people* (ср. [6]), а также близкое понятие *коннотации* в модели "Смысл → Текст" (см. [1, 67—68; 5]; ср. также [3]). В лингвистике не существует единого мнения по поводу того, как описывать эту информацию, хотя понимание ее важности растет. Может быть, определенных результатов на этом пути удалось бы достичь, если бы проблему лексикографического статуса этой информации удалось поставить в связь с другой проблемой, которая, насколько нам известно, до сих пор специально не обсуждалась (основным предметом дискуссий в лингвистической литературе было то, как соотносятся между собой собственно значение и коннотативный компонент, в какую зону словарной статьи надлежит записывать "концептуальную" информацию и т.п.), а именно с проблемой того, почему одни слова концептуализуются (т.е. имеют особый "семантический ореол", отражающий отношение человека к данному объекту), а другие — нет. Очевидного ответа на этот вопрос мы предложить пока не можем; бросается в глаза, что многие внешне похожие языковые единицы ведут себя в этом отношении по-разному. Так, в паре лексем *пол* и *потолок* первая кажется свободной от концептуальной нагрузки, тогда как со второй связан отчетливый концепт предела, исчерпанных возможностей (*достичь потолка* и др.); с другой стороны, денотативно близкие элементы пары *дно* и *крышка* оба концептуально продуктивны, однако их концепты не похожи на предыдущий: *дно* связано с идеей социального падения, утраты престижного статуса, тогда как *крышка* — с идеей ловушки и/или преждевременного крушения планов (*теперь ему крышка, он от нас не уйдет*). Подобные примеры требуют, конечно, отдельного исследования в рамках совсем другой работы; мы же ограничимся лишь тем, что отметим существование этой — пока еще — лингвистической загадки.

ЛИТЕРАТУРА

1. Апресян Ю.Д. Лексическая семантика. М., 1974.
2. Апресян Ю.Д. и др. Англо-русский синонимический словарь. М., 1979.
3. Крейдлин Г.Е. Некоторые пути и типы метафоризации слов в языке // Тождество и подобие: Сравнение и идентификация. М., 1990.
4. Плунгян В.А., Рахилина Е.В. Заметки о контроле // Речь: Восприятие и семантика. М., 1988.
5. Iordanskaja L.N., Mel'cuk I.A. Connotation en sémantique et lexicographie // Dictionnaire explicatif et combinatoire du français contemporain. Montréal. 1984. Vol. 1.
6. Wierzbicka A. Lexicography and conceptual analysis. Ann Arbor, 1985.